

СБОРНИК СТАТЕЙ

**Международной научно-практической
конференции молодых ученых**

**«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО МОЛОДЫХ УЧЕНЫХ
XXI СТОЛЕТИЯ.**

**ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»,
посвященной 25-летию со дня основания
Евразийского национального университета
имени Л.Н. Гумилёва**

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

СБОРНИК СТАТЕЙ
Международной научно-практической
конференции молодых ученых
«НУРГАЛИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ-Х:
НАУЧНОЕ СООБЩЕСТВО СТУДЕНТОВ
XXI СТОЛЕТИЯ. ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ»

25-26 февраля 2021 года

г. Нур-Султан, 2021

УДК 80/81

ББК 81.2

Н90

Рецензенты: И. Любоха-Круглик - д.ф.н., профессор (Польша)
Л.Е. Беженару - д.ф.н., профессор (Румыния)

Под общ. ред. - д.ф.н., проф. К.Р.Нургали

Члены редколлегии: д.ф.н., проф. К.Р.Нургали, к.ф.н., проф. Мукажанова Л.Г., маг. Азкенова Ж.К.

Н-90 «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки»: сборник статей по материалам Международной научно-практической конференции (25-26 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). / Под общ. ред. д.ф.н., проф. К.Р.Нургали. – Нур-Султан: ЕНУ, им.Л.Н. Гумилёва, 2021. – 591 с.

IBSN 978-601-337-505-2

Данный сборник статей состоит из материалов, представленных на юбилейной Международной научно-практической конференции «Нургалиевские чтения-Х: Научное сообщество молодых ученых XXI столетия. Филологические науки» (25-25 февраля 2021 г., г.Нур-Султан). Доклады участников этого научного форума представляют собой результаты исследований молодых ученых по литературоведческим и лингвистическим проблемам, а также вопросам современных методик анализа литературных произведений, переводоведения, образования в условиях пандемии. Многоаспектность тем выступлений – свидетельство интересов современных студентов, которые отличаются широким кругозором и высокой научно-методической подготовкой к научным исследованиям.

Участники данной конференции представляют вузы, которые являются многолетними партнёрами по международному академическому сотрудничеству. Так, перед широкой аудиторией выступили студенты, магистранты, докторанты и аспиранты вузов Казахстана, Российской Федерации (г.Москва, г. Казань, г. Таганрог, г. Ставрополь), Польши (г.Катовице), Румынии (г.Яссы), Турции (г. Анкара) и др.

Данный сборник может быть рекомендован обучающимся образовательных программ по филологическим и педагогическим направлениям.

IBSN 978-601-337-505-2

УДК 80/81

ББК 81.2

©ЕНУ им. Л.Н. Гумилёва, 2021

3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Том четвертый. Тип. М.О. Вольфа, 1882. - 712 с. (688с.)
4. <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%AE%D0%BC%D0%BE%D1%80>
5. [http://www.psychologos.ru/articles/view/yumor\]](http://www.psychologos.ru/articles/view/yumor)
6. <https://fenglish.ru/movie/guardians-of-the-galaxy-vol-2/>
7. <https://kinokor.kz/movies/material/id/12>

Мақалада «әзіл» категориясының ағылшын тілінен қазақ тіліне аударылу ерекшеліктері қарастырылды. Зерттеу нысаны ретінде америкалық «Галактика сақшылары 2» фильміндегі әзіл-оспақ лексикасы алынды. Мақалада әзілдің анықтамасы, жіктелуі, Америка мен Қазақстандағы әзіл түсінігі туралы сөз қозғалады. Автор әзіл-оспақтың прагматикасын, барабарлығын толыққанды жеткізу үшін қолданылған әдіс-тәсілдерге талдау жасап, өз ұсыныстарын береді.

Түйін сөздер: кино тілі, әзіл-оспақ аудармасы, «Галактика сақшылары 2» фильмі, бейәдеп лексика.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА КАТЕГОРИИ «ЮМОР» В ФИЛЬМЕ “СТРАЖИ ГАЛАКТИКИ 2”

Жакен К.Е.

Евразийский национальный университет имени Л.Н. Гумилева, Республика Казахстан

В статье рассмотрены особенности перевода категории «юмор» с английского на казахский язык. В качестве объекта исследования взята юмористическая лексика из американского фильма "Стражи Галактики 2". В статье речь идет об определении, классификации юмора, понятии юмора в Америке и Казахстане. Автор дает свои рекомендации, анализируя методы, использованные для полноценного передачи прагматики, адекватности юмора.

Ключевые слова: язык кино, перевод юмора, фильм "Стражи Галактики 2", ненормативная лексика.

FEATURES OF THE TRANSLATION OF THE CATEGORY "HUMOR" IN THE FILM "GUARDIANS OF THE GALAXY VOL.2"

Zhaken K.E.

[L. N. Gumilyov Eurasian National University](http://www.eurasian-nu.edu.kz), Republic of Kazakhstan

The article discusses the features of the translation of the category "humor" from English into Kazakh. The object of research is humorous vocabulary from the American film "Guardians of the Galaxy Vol. 2". The article deals with the definition, classification of humor, the concept of humor in America and Kazakhstan. The author gives his recommendations, analyzing the methods used to fully convey pragmatism and the adequacy of humor.

Keywords: language of cinema, translation of humor, film "Guardians of the Galaxy Vol. 2", profanity.

МОТИВЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ДОСТОЕВСКОГО И АКУТАГАВЫ

Байтурина У.К.

докторант первого года обучения

ЕНУ им. Л.Н. Гумилева,

г. Нур-Султан, Казахстан

u.baiturina@mail.ru

Научный руководитель – Уразаева К.Б.

д.ф.н., профессор

kuralay_uraz@mail.ru

Типология сюжетов, образов, проблематики в творчестве Ф. Достоевского и Р. Акутагавы обусловила их сопоставление как одно из актуальных направлений в

науке. Выявление общности и специфики подходов писателей составляет цель настоящей работы. Сопоставление построено на анализе мотивов совершения преступлений.

Художественно-философское открытие Достоевского, изобразившего в мотивах преступления Раскольникова мировоззренческую основу оказало влияние и на принцип номинации героя. Фамилия Раскольникова ассоциируется не только с историческим расколом русского Православия, наступившего после реформы Никона. Не менее важен акцент в фамилии героя на явлении разлома в сознании героя как источника решимости студента-правоведа на преступление. Социальная мотивировка событий: нищета и бесправие «униженных и оскорбленных», толкавшая их на пьянство, воровство, проституцию – это внешняя и не исчерпывающая конфликт произведения линия. Потребность защитить людей вытеснена теорией преступления, основанной на проверке быть причисленным к «право имеющим». Катализатором событий, как известно, является внешний повод: письмо матери с известием о предстоящем замужестве Дуни. Здесь негодование Раскольникова объясняет определяющий для романа конфликт: между жертвой и жертвенностью, вынужденной и осознанной жертвой. Писатель выстраивает типологию героев, Наполеона и Раскольникова. для обоснования убийства старухи-процентщицы: *«Вот что: я хотел Наполеоном сделаться, оттого и убивал...»* [1, с. 85]. Признание Соне: *«Мне надо было узнать тогда... вошь ли я, как все, или человек?»* [1, с. 86] – тоже неслучайно. В этой типологии признание оборачивается исповедью не столько перед жертвой бесправия, обительницей социального дна, сколько воплощением в ее лице этической мотивировки события преступления.

Далее признания Раскольникова фиксируют разные стадии прозрения, от пародийно-иронического травестирования: *«Эстетическая я вошь!»* до осознания: *«Ужели я не гений, не Наполеон?»*. Так осуществляется саморазоблачение героя и подлинной мотивировки преступления. По словам автора, совершенного из «уязвленной гордости». Двойная и зеркально отраженная драматическая игра совести как источника страданий героя: с одной стороны, не добил в себе совесть, с другой, задумал её убить – вскрывает мировоззренческий характер типичных для Достоевского этических тем, связанных с понятиями *Добра* и *Зла*. Поворачивая решение проблем выбором для героя пути, автор «помещает» историю душевных и духовных страданий Раскольникова в пространство неразрешимого конфликта совести и разума. Прозрение героя: *«...я не старушонку убил, а самого себя»* – отражает специфику авторского подхода, для которого верховенство совести над разумом принципиально.

Письмо матери в природе преступления Раскольникова вскрывает конфликт вины и возмездия, которая оборачивается дилеммой: с Богом ты или нет. Отсюда любимая мысль писателя об искупительной силе страданий совести как начала движения к Богу. Так, внутренняя борьба героя развивается в столкновении мировоззренческого и этического. В показе такого характера внутреннего конфликта героя особую роль играет Соня Мармеладова. С одной стороны, Раскольников еще не отказался от «идеи», но стал погружаться в атмосферу

божественного сострадания, самоотречения, чистоты, олицетворением и носительницей чего была Соня: *«Он положил ей обе руки на плечи и с каким-то счастьем глядел на нее. Ему так приятно было на нее смотреть, - он сам не знал почему... - Полечка, меня зовут Родион; помолитесь когда-нибудь и обо мне: "и раба Родиона" - больше ничего"»* [1, с.144]. В данной сцене запечатлен момент начала воскресения Раскольникова. Осознание убийства как преступления божественных установлений и предписаний оборачивается парадоксальным, с точки зрения сюжетной логики, ритуальным жестом. В описании героя, падшего ниц и целующего ногу Сони: *" Он взял ее обеими руками за плечи и прямо посмотрел в ее плачущее лицо. Взгляд его был сухой, воспаленный, острый, губы его сильно вздрагивали... Вдруг он весь быстро наклонился и, припав к полу, поцеловал ее ногу... - Что вы, что вы это? Передо мной! - пробормотала она, побледнев, и больно-больно сжало вдруг ей сердце. Он тотчас же встал. - Я не тебе поклонился, я всему страданию человеческому поклонился..."* [1, с. 65] – писателем воспроизведен покаянный жест перед жертвой. Слова, обращенные к Соне: *«идти вместе»* – получают продолжение: *«Поди на перекресток, поклонись народу, поцелуй землю, потому что ты и пред ней согрешил, и скажи всему миру вслух: "Я убийца!"»* [1, с.108]. Ритуальные черты покаяния и раскаяния, очищения Раскольникова, вставшего на Сенной площади на колени, олицетворяют акт признания вины и готовности искупить ее перед всем миром. Изображение автором христианского очистительного обряда – целования земли – становится границей перехода душевной раздробленности во внутреннее единство личности, дарующего герою чувство наслаждения и счастья.

Подлинное раскаяние героя наступает на каторге. Оно приходит с обретением веры, спасительной для человечества любви: *«Они хотели было говорить, но не могли. Слезы стояли в их глазах. Их воскресила любовь, сердце одного заключало бесконечные источники жизни для сердца другого»* [1, с.95]. Любовь привела его к Богу.

«Отец японской новеллы» Рюноске Акутагава считал, что увлечение японским народом русской литературой, а в особенности произведениями Достоевского заключается в близости России и Японии. Акутагава в «Словах пигмея» пишет: *«Романы Достоевского изобилуют карикатурными образами. Правда, большинство повергнет в уныние и дьявола»* [2, с.160]. На Акутагаву самое сильное впечатление произвела сцена, *«... когда убийца Раскольников и публичная женщина Соня под лампой, горячей жёлтым коптящим пламенем, читают Священное писание (Евангелие от Иоанна – главу о воскрешении Лазаря), – эта сцена огромной силы, её невозможно забыть»* [2, с.161]. Заметим, что эту же сцену В. Набоков считал самой вульгарной в «Лекциях о русской литературе».

Влиянию Достоевского на Акутагаву посвящено эссе Е. Суровцевой «О влиянии Ф.М. Рюноске». Пример автором эссе приведен на материале новеллы «Обезьяна» (1916): *«Нарасима сейчас же посадили в карцер, а на другой день отправили в военную тюрьму в Урага. Не хочется об этом говорить, но заключённых там часто заставляют "таскать ядра". Это значит, что целыми днями они должны перетаскивать с места на место чугунные шары весом в*

девятнадцать кило. Так вот, если говорить о мучениях, то мучительней этого для заключённых ничего нет. Помню, у Достоевского в "Мёртвом доме", который вы мне когда-то давали прочесть, говорится, что если заставить арестанта много раз переливать воду из ушата в ушат, от этой бесполезной работы он непременно покончит с собой. А так как арестанты там действительно заняты такой работой, то остаётся лишь удивляться, что среди них не бывает самоубийц» [4, с.104].

Мотивы совершения преступления принимают в произведениях Достоевского и Акутагавы характер философских установлений. Так, герои ощущают себя благодетелями человечества, убеждены, что утверждают справедливость. Драма самообмана заключается в оправдании ими выбранного ими средства восстановления нарушенного порядка. После прочтения Акутагавой «Братьев Карамазовых» Достоевского в английском переводе появилась его история о паутинке – краткий пересказ басни «Притча о луковке» (1918). Акутагава предельно обнажает мысль Достоевского о сомнительной оправданности средств благой целью, следует тем же путем разоблачения преступного замысла героя.

Рассказ «В чаще» (1922) Акутагавы представляет описание преступления сквозь призму разных точек зрения, как и в произведении Достоевского. Так, герои японского писателя воспроизводят диспозицию: разбойник, самурай, жена и типологически соотносимы с Соней, Разумихиным, Свидригайловым. Отличие японского произведения от русского романа: если в «Преступлении и наказании» преступник известен изначально, «В чаще» читателю предлагается сразу три признания вины.

Молодая китайка в рассказе «Нанкинский Христос» (1920) Акутагавы, которая занимается проституцией, чтобы сводить концы с концами и содержать отца-алкоголика, является набожной католичкой. Сближение героини рассказа с Сонечкой в природе вынужденной греховности китайки и Сони Мармеладовой. Связывает двух героинь покаяние: по-гречески «метаноите» – «передумывание», «осмысление», то есть, осознание греха, отказ от греха, а также готовность искупить грех через добровольно принятое страдание. И молодая китайка, и Соня одержимы жадой покаяния, что автоматически делает их неуязвимыми для преступления.

Влияние Достоевского можно усмотреть и в «Воротах Расемон» (1915). Новелла близка Достоевскому трактовкой преступления в этическом духе. История о слуге самурая, который столкнулся со смертью, воспроизводит идею о том, чтобы стать преступником и необходимости мужества и воли к совершению преступления. Безымянный слуга принял решение о преступлении: *«Однако, пока он слушал, в душе у него рождалось мужество. То самое мужество, которого ему не хватало раньше внизу, на ступенях ворот. И направлено оно было в сторону, прямо противоположную тому воодушевлению, с которым недавно, поднявшись в башню, он схватил старуху. Он больше не колебался, умереть ли ему с голоду или сделаться вором; мало того, в эту минуту, в сущности, он был так далек от мысли о голодной смерти, что она просто не могла прийти ему в голову» [3, с. 7].*

Как и образ старухи-процентщицы, так и образ старухи в «Воротах Расемен» описан не только детально: *«Старуха еще шире раскрыла и без того широко раскрытые глаза с покрасневшими веками и уставилась в лицо слуги. Уставилась острым взглядом хищной птицы. Потом, как будто жуя что-то, зашевелила сморщенными губами, из-за морщин почти слившимися с носом. Было видно, как на ее тонкой шее двигается острый кадык. И из ее горла до ушей слуги донесся прерывистый, глухой голос, похожий на карканье вороны»* [3, с. 7]. Портрет старухи сохраняет символическую деталь, напоминающую процентщицу Алену Ивановну: *«Это была крошечная, сухая старушонка, лет шестидесяти, с острыми и злыми глазками, с маленьким острым носом и простоволосая. Белобрысые, мало поседевшие волосы ее были жирно смазаны маслом. На ее тонкой и длинной шее, похожей на куриную ногу, было наверхено какое-то фланелевое тряпье, а на плечах, несмотря на жару, болталась вся истрепанная и пожелтелая меховая кацавейка»* [1, с.4].

Неслучайно сравнение старухи с вороной, трупной птицей: *«Зато откуда-то собиралось несчетное множество ворон. Днем они с карканьем описывали круги над высоко загнутыми концами конька кровли. Под вечер, когда небо над воротами алело зарей, птицы выделялись на нем четко, точно рассыпанные зерна кунжута. Вороны, разумеется, прилетали клевать трупы в верхнем ярусе ворот»* [3, с. 28]. Заметим, что в образе старухи-процентщицы фиксируются семиотика мыши, также хтонического образа.

И Раскольников, и слугу на преступление толкает нищета, и оба нуждаются в оправдании своих поступков: *«Ну, так не пеняй, если я тебя оберу! И мне тоже иначе придется умереть с голоду»*[3, с. 7] и: *«Одна смерть и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!»* [1, с. 14].

Тема преступления, поставленная и решенная в рассматриваемой новелле как психологический эксперимент по мотивам Достоевского (преступление совершается в оптимальных для преступника условиях — «О, если бы я был один!»), стала одной из главных в творчестве японского писателя. Трактовка преступления японским писателем воспроизводит рецепцию Достоевского в аспекте нравственно-этического содержания темы. Отсюда внимание к процессам трагического излома в сознании героя, психологии индивидуализма и «подполья», становящихся источником «теорий». В основе теорий преступления героев мотивы «крови по совести», «убийства по убеждению». Манипуляции преступного сознания делают возможным презрение героя к жизни других людей, оправдание преступления благими целями.

Список использованной литературы:

1. Достоевский Ф.М. Преступление и Наказание. – М.: ЭКСМО, 2016. – 592 с.
2. Акутагава Р. Сочинения: В 4 томах. – М.: Полярис, 1998. Том 1. – 576 с.
3. Акутагава Р. Ворота Расемен. – М.: Эксмо-пресс, 2002. – 256 с.
4. Суворцева Е. О влиянии Ф.М. Достоевского на Акутагаву Рюноскэ 10 [155] изд. Relga, 2007. – 317 с.

Аннотация: Объектом сопоставления в статье является мотивировка преступлений в произведениях Ф.М. Достоевского и Р. Акутагавы. Выявлена общность авторского подхода к трактовке преступления: она заключается в теоретическом обосновании убийства и оправдании его благими

целями. Установлена связь между различиями мотивов преступления у героев русского и японского писателей. Источником различий явилась национальная концептосфера.

Ключевые слова: преступление, мотивы, Достоевский, Акутагава

Abstract: The object of comparison in the article is the motivation of crimes in the works of F.M. Dostoevsky and R. Akutagava. The commonality of the author's approach to the interpretation of the crime is revealed: it consists in the theoretical substantiation of the murder and its justification with good aims. A connection is established between the differences in the motives of the crime among the heroes of Russian and Japanese writers. The source of the differences was the national conceptual sphere.

Key words: crime, motives, Dostoevsky, Akutagava

РОМАН «ЗАЩИТА ЛУЖИНА» В ТВОРЧЕСТВЕ В. НАБОКОВА

Хе Дон Гу И. И.

студент 2 курса

КФ МГУ им. Ломоносова

г. Нур-Султан, Казахстан

rainbowdesert05@gmail.com

Научный руководитель – Кривошапова Т.В.

д.ф.н., профессор

krivoshapova_t@mail.ru

Владимир Набоков начинал свой творческий путь не с романов, он писал стихи со времени Тенишевского училища, опубликовав сборник на собственные средства еще в России. Стихотворения юного Набокова свидетельствовали о его поэтической культуре, но потрясений не вызывали. Он сочинял пьесы, не находившие отклика у публики. Выбор был сделан в пользу прозы, один за другим стали появляться его рассказы и романы, привлечшие к нему внимание авторитетных литераторов-эмигрантов [1, с. 4].

Будучи в эмиграции, в Берлине, Набоков женился на Вере Слоним в 1925 году. В том же году он отказался от первоначального замысла романа «Счастье», но передал это название новому роману, который в конечном варианте был окрещен «Машенькой» и стал его дебютным романом, опубликованным в 1926 году. [2, с. 283] Он повествует о русской эмиграции в Берлине и, по мнению Н. Мельникова, является наиболее автобиографичным [3, с. 7]. Печатался в те годы Владимир Набоков под псевдонимом В. Сирин в Парижском журнале «Современные записки», выходившем четыре раза в год.

До 1937 года Владимир Набоков создает восемь романов на русском языке: «Машенька» (1926), «Король, дама, валет» (1928), «Защита Лужина» (1930), «Подвиг» (1932), «Камера обскура» (1932), «Отчаяние» (1934), «Приглашение на казнь» (1936) и «Дар» (1938).

Работу над своим романом «Защита Лужина» тридцатилетний Владимир Набоков начал в 1929-м году. Предыдущий роман писателя – «Король, дама, валет», принёс ему 5000 полновесных постинфляционных марок (для сравнения: герой этого романа снимает комнату за 50 марок в месяц). Издательство